

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА

Весной 1982 г. научная общественность страны широко отметила столетие со дня рождения академика Бориса Дмитриевича Грекова. С его именем неразрывно связаны достижения советской исторической науки в марксистском изучении древнейшего прошлого нашей Родины. Ученики и последователи Б. Д. Грекова с успехом продолжили и развили его исследования по истории СССР эпохи феодализма, а намеченная им программа источниковедческих работ и публикаций источников осуществляется до сих пор. Поэтому чествование памяти Б. Д. Грекова явилось не только выражением благодарности учеников, последователей и научной общественности трудам этого замечательного ученого. Оно стало также анализом его работ, сохранивших свою актуальность и ныне, определением задач дальнейших исследований.

8 апреля 1982 г. в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР состоялось заседание Ученого совета, посвященное столетию со дня рождения академика Б. Д. Грекова, многие годы возглавлявшего научный коллектив ЛОИИ. Открывая заседание, председатель Ученого совета *В. А. Шишкин* сказал, что ленинградцам Б. Д. Греков дорог как один из виднейших представителей ленинградской советской научной школы отечественной истории, как профессор Петербургского—Ленинградского университета. Трудно, сказал он, переоценить значение исследовательской деятельности Грекова, которая полностью развернулась после Великой Октябрьской социалистической революции. Его перу принадлежит свыше 300 работ по социально-экономической истории феодальной России и в особенности по истории крестьянства, истории культуры Древней Руси, славянскому праву, историографии, археографии и другим отраслям исторического знания.

Б. Д. Греков был выдающимся организатором советской исторической науки, директором ряда институтов, в том числе Института истории АН СССР.

В. А. Шишкин отметил, что едва ли возможно на одном заседании Ученого совета охватить все стороны научного наследия,

все грани таланта, все лучшие человеческие качества Б. Д. Грекова.

С докладом «Творческий путь академика Б. Д. Грекова (научный поиск, источники, обобщение)» выступил *Н. Е. Носов*.¹ Докладчик дал развернутую характеристику основных направлений научно-исследовательской деятельности Б. Д. Грекова как одного из создателей советской школы медиевистики, особо отметил существенный вклад Грекова в разработку общей марксистской концепции генезиса и развития феодализма в Киевской и Московской Руси, основные положения которой не утратили своего значения и в настоящее время. Значительное место в докладе было уделено роли Грекова в развитии советского источниковедения феодальной эпохи, а также его разносторонней археографической деятельности, которая в значительной степени протекала в Ленинграде и была связана с его работой в Постоянной археографической комиссии, Историко-археографическом институте и, наконец, в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Разработанный по инициативе Грекова перспективный план академических изданий по истории СССР до XVIII в. оказал огромное влияние на развитие многих отраслей советской историографии по отечественной истории. Научные начинания Б. Д. Грекова успешно продолжают его учениками и последователями. В заключение *Н. Е. Носов* отметил большие заслуги академика Б. Д. Грекова в сохранении преемственности поколений советских медиевистов, его активную позицию в защите лучших традиций русской и советской науки.

С сообщением «Б. Д. Греков — историк русского крестьянства» выступил *Ю. Г. Алексеев*. По его мнению, Б. Д. Греков создал первую марксистскую концепцию истории русского крестьянства периода феодализма, в которой история крестьянства рассматривалась не как изолированный феномен, а как наиболее важное явление в истории русского феодализма в целом.

В истории русского крестьянства изученного им периода Б. Д. Греков выделил четыре этапа. До установления феодальных отношений крестьянство свободно, оно живет в составе территориальных общин. Второй этап — генезис феодальных отношений и ранний период развития феодального общества (Древнерусское государство). На этом этапе существуют две основные группы крестьянства — зависимые и свободные. Характерной формой ренты является примитивная барщина. Третий этап — возникновение и развитие боярщины — сеньории (XIII—XV вв.). Феодальной эксплуатации подвергаются все новые массы крестьянства со своими землями, преобладает рента продуктами. Четвертый этап — установление поместной системы, преобладание барщины

¹ Основные положения доклада *Н. Е. Носова* отражены в публикуемой здесь статье «Академик Борис Дмитриевич Греков — исследователь-источниковед» (с. 3—30)

и окончательное закрепощение крестьян (конец XV—первая половина XVII в.).

Концепция Грекова является результатом тщательной обработки практически всех известных в то время источников с привлечением сравнительно-исторических материалов по истории крестьянства других славянских народов. Она лежит в основе советской историографии крестьянства феодальной Руси, в которой развиты и уточнены отдельные ее положения.

Наиболее актуальными проблемами истории русского крестьянства периода феодализма сейчас являются вопрос о специфике и соотношении частновотчинной и государственной форм эксплуатации и связанный с ним вопрос о природе свободного крестьянства в феодальном обществе. В настоящее время существуют разные подходы к этим вопросам, но все они так или иначе опираются на богатое научное наследие Б. Д. Грекова и используют достигнутые им результаты.

С сообщением «Вопросы истории русской культуры в трудах Б. Д. Грекова» выступила *Н. А. Казакова*. Она показала, что, в отличие от предшествующих трудов по истории русской культуры П. Н. Милюкова и М. Н. Покровского, исследование Грекова «Культура Киевской Руси» (М.; Л., 1944) явилось первой работой, в которой на основе достижений археологии, литературоведения, искусствоведения была дана целостная, обобщающая картина культурной жизни Руси в одну из важнейших эпох ее истории. Этой картине присущи две особенности: 1) она написана крупными мазками, автор выделил в ней несколько наиболее важных, с его точки зрения, культурно-исторических феноменов, оставив остальные в тени; 2) представления автора о развитии культуры Киевской Руси органически связывались с его концепцией общественного строя того времени.

Б. Д. Греков показывает многовековую предысторию культуры Киевского государства. Признавая прогрессивность введения христианства, прогрессивность влияния более высокой византийской культуры, он подчеркивает, что русская культура не являлась, как это часто думали, сколком византийской, а имела свой национальный облик. Используя элементы византийской культуры, Русь создала собственную культуру, лучшие образцы которой вошли в сокровищницу культурных ценностей человечества. Положение о национальном характере и высоком уровне развития культуры Киевской Руси соответствовало данной в предшествующих работах ученого характеристике древнерусского общества как общества, находившегося уже в стадии феодализма.

В работе Грекова утверждена новая концепция истории культуры киевского периода, полемически направленная против построений буржуазной историографии, хотя прямой полемики Греков в этой работе не вел. Основные положения этой концепции о местных глубинных истоках культуры эпохи Киевской Руси,

ее высоком уровне и национальном облике прочно вошли в советскую историографию.

Б. Д. Греков исследовал также культурно-исторические сюжеты и более позднего времени. Эту о крестьянском вопросе в русской публицистике XVI в. возник в процессе работы ученого над историей русского крестьянства. Новизна этой работы заключается в том, что Греков, сопоставив взгляды русских мыслителей XVI в., в отличие от предшественников нарисовал состояние крестьянского вопроса в публицистике XVI в. в целом и связал его с социально-экономическим развитием Русского государства того времени. Эту работу Грекова послужил стимулом к углубленному изучению историками и литературоведами крестьянской темы в русской литературе.

Внимание Грекова привлекали также вопросы истории русской исторической науки. Почти все его работы в этой области строго нацелены: предмет их составляет анализ исследований ученых (В. Г. Васильевского, С. А. Жебелева), важных для понимания древнейшего докиевского и начального киевского периодов истории восточного славянства. Историографические очерки Грекова не только содержали тонкую интерпретацию взглядов ученых, но и способствовали исследованию ранних этапов истории нашей Родины.

Особое место среди этих работ занимает исследование Б. Д. Грекова о М. В. Ломоносове-историке. Он показал внимательное отношение Ломоносова к источникам и сделал важный вывод о том, что «основным предметом работы у Ломоносова является не князь..., а народ в его исторической жизни». После исследования Грекова произошел перелом в оценке трудов Ломоносова, который занял подобающее место в истории русской исторической науки.

Труды Грекова по истории русской культуры, заключила Н. А. Казакова, внесли большой вклад в науку. Этому способствовали два обстоятельства. Первое — обусловленность построений ученого в сфере изучения явлений культуры основным направлением его научной деятельности, благодаря чему культурно-исторические феномены органически увязывались с социально-экономическими процессами. Второе обстоятельство заключается в особенностях творческой индивидуальности Грекова: присущий ему дар исторического анализа позволял делать широкие обобщения при изучении широких аспектов отечественной истории.

А. И. Копанев выступил с сообщением «Археографическая деятельность Б. Д. Грекова». Он отметил, что Б. Д. Греков, являясь сотрудником, а затем членом Археографической комиссии, выполнил ряд ее поручений по изучению и спасению ценнейших архивов, в частности архивов Тихвинского и Соловецкого монастырей, по описанию архивных фондов Комиссии и по изучению отдельных источников. Став признанным главой исторической науки в стране, Б. Д. Греков содействует выработке общего плана

издания источников, потребность в которых колоссально возросла в связи с поворотом в исторической науке 30-х гг., руководит изданием серий документов по экономической истории России, истории народов СССР феодального периода, серии иностранных источников о России и др. По инициативе Б. Д. Грекова начато издание серии законодательных памятников России, первым томом которой явилось Академическое издание Русской Правды, вышедшее в 1940 г.

Археографическая деятельность Грекова охватывала все стороны археографии: разыскание источников, включая археографические экспедиции, описание источников, их издание и теоретическое осмысление археографической практики.

Будучи еще молодым исследователем, он изучил и опубликовал бобыльские порядные. Используя прием полистного описания, разработанный в русской практике описаний церковных и литературных сборников, Греков почти с исчерпывающей полнотой раскрыл содержание 199 актовых книг собрания Археографической комиссии: копийных, записных, писцовых и т. д., а позднее хозяйственных описаний вотчин Соловецкого монастыря и т. д. Образцово составлены им именной и географический указатели к «Описанию актов Новгородского Софийского дома», в котором он выправил неточности автора «Описания» П. Яковинского.

Б. Д. Греков обстоятельно исследовал архивы Тихвинского, Соловецкого, Александрово-Свирского и других монастырей. Прилагая все усилия для спасения архива Соловецкого монастыря, он боролся за объединение его фондов. Принцип объединения разрозненных архивных фондов впоследствии стал основой архивного строительства в стране. Б. Д. Греков много сделал в 20-е гг. для сохранения и передачи в Археографическую комиссию архивов северных монастырей, которые находятся сейчас в ЛОИИ СССР АН СССР.

В 20-е гг. Б. Д. Греков продолжал изучение источников по социально-экономической истории. Особо следует отметить его публикацию «Новые материалы о движении Степана Разина» (1926 г.), которая отражала его желание «идти навстречу новым научным запросам».

Являясь руководителем Историко-археографического института, а затем Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Б. Д. Греков намечает и осуществляет серию публикаций по социально-экономической истории и истории народов СССР.

Публикация материалов по истории крепостной мануфактуры привлекла внимание археографов к новому для них материалу, ставящему новые требования к его археографической обработке. Одним из таких вопросов явилось сокращенное издание текста. Оно стало осуществляться в виде регест, таблиц (для материалов, «тождественных по своей исторической природе с одинаковым клаузуальным составом»), с отдельными элементами сокращений (пропуски имен подворно описываемого населения, межей между

селами и др.). Именно ссылаясь на издания, осуществленные под руководством Б. Д. Грекова, Правила издания исторических документов, опубликованные в 1936 г., а затем в 1969 г., сокращенные издания рекомендуют как тип издания. Практика сокращенных изданий историко-архивных учреждений и теоретическое ее обоснование имеют большое значение сейчас, когда одной из задач является публикация таких массовых источников, как переписные книги XVII в. и другие единообразные по формуляру хозяйственные описания более позднего времени.

Большое научное значение имела серия публикаций материалов по истории народов СССР под руководством и при непосредственном участии в подготовке документов Б. Д. Грекова: материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской республик, Татарской, Мордовской и Якутской АССР. Изданные материалы являлись отправной источниковой базой изучения истории народов СССР, которое началось именно в 30-х гг. и успешно развивается в настоящее время.

Под руководством Б. Д. Грекова в 1936 г. был разработан грандиозный план издания исторических источников, которые должны были составить следующие серии: летописи, акты, законодательные памятники, известия иностранных писателей о России, писцовые книги и др. Этот план с определенными коррективами осуществляется до сих пор.

Как глава Института истории АН СССР Б. Д. Греков предпринимает меры по организации археографической работы в стране: образование в составе Института археографического сектора публикации источников, создание в Институте археографического совета и др. Он пытался создать Государственный археографический комитет.

Завершая выступление, А. И. Копанев подчеркнул, что Б. Д. Греков в течение всей научной работы проявлял замечательную активность во всех областях археографии. Программа работ, намеченная им в этой области, — это «программа работ будущего, работ на многие годы, работ, которые всегда будут связываться с именем Б. Д. Грекова».²

С сообщением «Концепция „генезиса феодализма“ в Древней Руси Б. Д. Грекова в советской историографии 30-х гг.» выступил М. Б. Свердлов. Он отметил, что Греков как специалист по истории социально-экономической истории XVI—XVII вв. сложился еще до революции и активно продолжил исследования по данной теме наряду с другими проблемами до конца 20-х гг. Изучение в начале 30-х гг. феодальных отношений в Киевской Руси явилось новой темой в творчестве Грекова. Эти работы были неразрывно связаны как с общими задачами молодой советской исторической науки (дискуссии в связи с марксистским осмыслением генезиса дока-

² В ал к С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии. — Археограф. ежегодник за 1959 г. М., 1960, с. 232.

питалистических формаций), так и с расширением проблематики исследований самого ученого (изучение общественного строя в Киевской Руси создавало предпосылки для определения закономерностей общественного развития России на протяжении более чем полутысячелетнего периода). Грековскую концепцию «генезиса феодализма» в Древней Руси также необходимо рассматривать в двух планах: по отношению к другим точкам зрения на развитие общественных отношений в России и с учетом ее внутреннего развития.

При изучении данной проблемы Б. Д. Греков выделил три основных аспекта: определение отношений собственности, видов эксплуатации и форм ренты. Такая исходная позиция позволила ему сформулировать собственную концепцию генезиса феодализма на Руси, принципиально отличающуюся от взглядов М. Н. Покровского, имевших тогда большое влияние (равно как и вне воздействия этногенетических теорий Н. Я. Марра). Греков неразрывно связал исследование развития общественных отношений с изучением производительных сил. Комплексно используя письменные источники, археологические и лингвистические материалы, он доказал, что основой экономики восточных славян было земледелие (в противоположность влиятельному мнению Н. А. Рожкова, поддержанного в дискуссии с Б. Д. Грековым С. В. Вознесенским и С. В. Бахрушиным) и определяющее значение имели поземельные отношения. Греков обстоятельно исследовал социально-экономическую структуру древнерусской вотчины и показал, что основным законом отношений господства и подчинения в ней явилось феодальное внеэкономическое принуждение, что доказывало складывание феодальной экономической формации в Древней Руси. Плодотворная концепция Грекова создала предпосылки для привлечения и марксистского осмысления лучших достижений предшествующей историографии в исследовании данных сюжетов и вместе с тем для учета критических замечаний коллег (следует отметить, что выводы Грекова были основаны на более широком привлечении источников, чем у его критиков, предлагавших часто социологические конструкции). В связи с этими замечаниями в исследованиях Грекова большее внимание было обращено на этногенез и древнейшую историю славян, как этническую и социально-экономическую предысторию Древней Руси, на периодизацию генезиса феодализма на Руси, на классовую борьбу и т. д. Концепция Грекова аккумулировала достижения советской исторической науки 30-х гг. и сама оказывала на нее положительное влияние. Сложилось грековское направление в историографии. На его основе в 40—70-е гг. стали разрабатываться обширные области исторического знания: древнерусский город, классовая борьба, внешняя и внутренняя политическая история, история культуры Древней Руси. Под определяющим влиянием идей Грекова развивалась славяно-русская археология. Вместе с тем глубокая разработка изученных проб-

лем позволила Грекову убедительно возражать мнениям, предполагавшим на Руси рабовладельческий строй, определяющий характер общественных отношений, и в этом к концу 30-х гг. Греков был поддержан не только своими сторонниками, но и многими недавними оппонентами.

Греков много работал в 30-е гг. над развитием своей концепции, стремясь к всестороннему охвату общественных явлений. Поэтому в конце 30-х гг. он продолжил исследование от базисных отношений в сельском хозяйстве и вотчине к изучению господствующего класса (князья, знать, дружина) и государства. На основании этих исследований Греков показал закономерность имманентного генезиса феодализма в результате разложения родоплеменного строя и содержание процесса феодализации. По его словам, «процесс феодализации земледельческого общества прежде всего выражается в создании таких общественных отношений, при которых крупные земельные собственники монополизируют право на землю и присваивают себе право на труд непосредственного производителя, владеющего всеми условиями производства кроме земли. Класс феодалов прибегает для этого главным образом к внеэкономическому принуждению. Последнее достигается либо при помощи открытого насилия, либо через органы государства, т. е. организованной власти земледельцев-феодалов».³

Концепция Грекова имела важнейшее значение в становлении в 30-е гг. марксистской теории генезиса феодализма в Древней Руси. Она явилась в данной области исторического знания определяющим этапом в развитии советской историографии, которая перешла в 50—70-е гг. от изучения становления определенных комплексов феодальных общественных отношений к комплексному исследованию генезиса феодальной общественно-экономической формации в целом.

В воспоминаниях «Академик Греков — человек, ученый» *К. Н. Сербина* сообщила много ценных сведений об этом замечательном ученом, которого она знала 30 лет. Еще до поступления в университет она была знакома с некоторыми трудами петроградских ученых — С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, М. Д. Приселкова. Поэтому, поступив в Петроградский университет в 1923 г., она в первую очередь стала слушать их лекции и работать в их семинарах. Знакомство с Б. Д. Грековым произошло случайно: однажды К. Н. Сербина заглянула в одну аудиторию, где группа студентов под руководством высокого седого человека училась читать древнерусские рукописи. Молодая студентка тогда не имела никакого представления о палеографии. Она заинтересовалась, вошла в аудиторию, послушала и стала посещать занятия Грекова.

³ Греков Б. Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. Н. Покровского. — Историк-марксист, 1937, кн. 5—6, с. 47.

Греков водил своих студентов в Архив Археографической комиссии, в которой он работал, знакомил их с рукописными книгами, показывал образцы почерков разных веков, различную бумагу, обращал внимание на филигранные переплеты, застёжки и т. д.

Когда в 1927 г. молодых сотрудников постоянной Историко-археографической комиссии АН СССР (так тогда называлось ЛОИИ СССР АН СССР) Р. Б. Мюллер, Н. С. Чаева и К. Н. Сербина посадили в одну рабочую комнату с Грековым, они были очень рады, чувствовали себя с ним просто и не стеснялись обращаться к нему за помощью. С этого времени К. Н. Сербина имела возможность на протяжении многих лет наблюдать Грекова как ученого и человека, учиться у него. Совместная работа по подготовке издания источников и в первую очередь документов по социально-экономической истории России периода феодализма, когда Греков незаметно и ненавязчиво вводил молодых специалистов в свою исследовательскую лабораторию, не только привила интерес к социально-экономической истории России, но и многому научила.

Такое совместное сотрудничество старших и младших — удачная форма работы, потому что в процессе ее осуществляется передача знаний, мастерства, создается школа.

Первое, что хочется отметить в характере Грекова, подчеркнула К. Н. Сербина, — это его увлеченность наукой и бескорыстная преданность ей. Заниматься наукой он мог всегда и везде, в самых, казалось бы, неподходящих для этого условиях: ему была свойственна огромная работоспособность и трудолюбие.

Греков никогда не считал себя непогрешимым, и вместе с тем он никогда не боялся, что его идеи могут быть кем-то перехвачены, поэтому он всегда делился своими наблюдениями, обсуждал волновавшие его вопросы с товарищами по работе, даже с молодежью, только что пришедшей в науку, и всегда внимательно прислушивался к чужим суждениям. Особенно оживленно в конце 20-х — начале 30-х гг. происходило обсуждение докладов Грекова в ГАИМК, где в то время шла борьба нового со старым. Если сотрудники Комиссии обращались к нему за советом, он всегда охотно помогал, но никогда не навязывал своего мнения, не сковывал инициативу. Если же критиковал, то делал это очень деликатно, тактично. Вообще чувство такта было одной из основных черт его характера.

Греков считал одинаково необходимым и важным как исследовательскую работу, так и архивную и много сделал по разбору, систематизации и описанию документов, в частности в Архиве ЛОИИ СССР хранятся многие описания, сделанные им.

Являясь ответственным редактором многих изданий документов и монографий, Греков не просто ставил свою фамилию на титульном листе, а был действующим редактором. Он принимал самое активное участие в издании с самого его начала, обсуждал

план публикации, ее характер, приемы передачи текста, характер комментариев и все время следил за работой.

Б. Д. Греков был подлинным научным руководителем Института, умевшим вести его как в русле тех проблем, которые ставились перед исторической наукой сегодня, так и с прицелом в будущее, поэтому неудивительно, что многие намеченные им направления в работе Института пережили его и разрабатываются до сих пор. Для Грекова план работы Института был не формальным документом, а программой развития советской исторической науки. Составлению его он придавал большое значение и в выработке его принимал самое активное участие.

Несмотря на мягкость характера, Греков мог быть твердым как в отношении науки, так и отдельных лиц.

Другой, не менее характерной чертой Грекова была его простота и доброжелательность в отношениях с людьми независимо от их возраста и служебного положения. Он был всегда одинаково доступен: и тогда, когда был только доцентом университета и научным сотрудником Археографической комиссии, и тогда, когда он стал известным ученым, академиком, директором института, членом Президиума Академии наук, депутатом Верховного Совета и т. д. Высокомерие начисто отсутствовало в характере Грекова. Хотя он был очень загружен работой (научной, административной, общественной), попасть к нему и спокойно, неторопливо обсудить все дела было очень просто. И независимо от того, касались ли вопросы служебных дел или личной научной работы вошедшего, он всегда с одинаковым вниманием и серьезностью относился к ним.

После войны Б. Д. Греков переехал в Москву, но связь с Ленинградом и ЛОИИ АН СССР он не порвал и продолжал не только живо интересоваться работами Института, но и руководить многими из них, поддерживать дружеские связи с ленинградскими учеными, особенно с Б. А. Романовым, И. И. Смирновым и В. Г. Гейманом.

К. Н. Сербина имела возможность общаться с Б. Д. Грековым не только в служебной обстановке, но и в домашней. По ее словам, он и дома оставался таким же простым, добрым, чутким, очень деликатным человеком и чрезвычайно гостеприимным хозяином.

Несмотря на то что вся жизнь Б. Д. Грекова была подчинена науке, он не был сухим кабинетным ученым, оторванным от жизни: любил природу, музыку и сам играл на виолончели; любил детей, животных. Был хорошим рассказчиком, наделенным мягким юмором. Запомнились рассказы Грекова о его учителях, особенно о Д. М. Петрушевском, которого Борис Дмитриевич очень чтит, о нравах старой Археографической комиссии, о поездке в Соловецкий монастырь.

Заканчивая рассказ, К. Н. Сербина подчеркнула, что Б. Д. Греков был патриотом в самом подлинном, в самом высоком смысле этого слова.

С воспоминаниями «Б. Д. Греков в Ленинградском университете» выступил *А. Г. Маньков*. В 1935/36 учебном году, когда он был студентом первого курса исторического факультета Ленинградского университета, у них читало немало замечательных ученых, но курс Грекова представлял в известном смысле уникальное явление. Это была ткань исследовательской работы, разворачиваемая на глазах у зачарованного слушателя. Прием на исторический факультет тогда был многочисленным, и большая аудитория всегда была заполнена. Греков говорил негромко, и случалось так, что в конце аудитории его слышали с трудом. По просьбе студентов он разрешал ставить кафедру посреди зала, а слушатели рассаживались вокруг.

А. Г. Маньков отметил также определяющее влияние на свою научную деятельность *Б. Д. Грекова*, его лекций, исследований, прежде всего капитального труда «Крестьяне на Руси». Помимо непосредственного, было и большое опосредствованное влияние Грекова через учителя *Манькова* в пору студенчества и аспирантуры — *И. И. Смирнова*, который сам испытал большое влияние творчества *Грекова*, всегда высоко ценил, буквально чтит *Грекова* и его работы.

В *Грекове* как ученом подкупали широкая эрудиция, прекрасное знание литературы вопроса и постоянное обращение к ней при рассмотрении даже относительно второстепенных вопросов. И, конечно же, тонкий и глубокий анализ предмета исследования, какое-то свободное, ненавязчивое (а веришь невольно!) изложение мысли. *Б. Д. Греков* как человек являлся образцом высокой культуры и огромного интеллекта. Собственно, эти два обстоятельства и определили в нем качества большого ученого и человека, которые были слиты воедино.

Закрывая заседание Ученого совета, *В. А. Шишкин* отметил, что оно было плодотворным. Выступления дали хорошее представление об основных сторонах научного наследия *Б. Д. Грекова*, о его вкладе в развитие советской исторической науки. Они показали необходимость дальнейшего изучения и углубленной разработки проблем истории феодальной России советскими историками. Несомненно, что время, в которое творил *Б. Д. Греков*, и личные научные и человеческие качества определили его видное место в советской историографии, в становлении марксистской теории феодализма в России. Он был одним из тех, кому довелось сыграть существенную роль в разработке основных направлений изучения отечественной истории в нашей стране.

М. Б. Свердлов.